

«НЕ СЧИТАЙТЕ МЕНЯ ИЗМЕННИКОМ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ...»:
М.А. ПОЛИЕВКТОВ – ИСТОРИК РУССКО-ГРУЗИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Опубликовано: «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М.А. Полиевктов — историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия — Грузия: альтернатива конфронтации — созидание... (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX–XXI вв.) / Коллектив авторов. Сост. и рук. коллектива д.и.н., профессор Бугай Н.Ф., М.: Институт российской истории РАН, 2011. С. 419- 435.

«Ваше имя впишется...золотыми буквами в нашу историографию, и Ваши труды будут настольными книгами у грузиноведов и тех, кто будет интересоваться исследованием истории отношений России с Кавказом и Востоком»[1], - так писал русскому историку Михаилу Александровичу Полиевктову известный грузинский ученый, историк, академик Иванэ Джавахишвили. И эти слова не пустой звук. Полиевктов оказал огромное влияние на развитие исторических исследований в области взаимоотношений между Россией и Грузией. Между тем, несмотря на значительный вклад в отечественную и грузинскую историческую науку, работ, посвященных ему, крайне мало, его научная биография рассматривается только в статье Г.Г. Пайчидзе [2]. До сих пор отсутствует комплексное исследование его жизни и научного творчества, его научно-литературное наследие не вписано в историографический контекст.

М. А. Полиевктов (1872-1942) был представителем петербургской исторической школы. В 1894 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где его учителями были С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский. Но основное влияние на начинающего ученого оказывал крупный специалист в области истории международных отношений, скандинавист, Г.В. Форстен. Вокруг этого ученого сложился круг молодых историков, которых в шутку называли «форстенята» [3]. Среди членов его кружка были в будущем известные деятели отечественной исторической науки, А.Е. Пресняков, Н.П. Павлов-Сильванский, С.А. Адрианов. Помимо ближнего круга Форстена Полиевктов входил и в кружок А.С. Лаппо-Данилевского, отличавшегося теоретико-источниковедческим направлением. Начинающий ученый с большим вниманием относился к новым тенденциям в российской исторической науке, стремился быть в курсе научных событий, не замыкаясь на тех идея, которые предлагали его непосредственные учителя. П.Н. Милуков, часто посещавший Петербург, особенно после защиты своей магистерской диссертации, отмечал, что среди молодых петербургских историков очень силен интерес к наработкам их московских коллег. В отличие от петербургской школы, где превалировал интерес к источниковедению, археографии и фактографическим конкретно-историческим исследованиям, московские историки тяготели к концептуальному осмыслению исторического материала. В конце XIXв. влияние московской школы на петербургскую ученую молодежь проявилось весьма отчетливо, став шагом на пути сближения двух научно-исторических центров Российской империи. Среди историков, интересовавшихся достижениями московских коллег, Милуков отметил и Полиевктова[4].

Способного выпускника, отличившегося во время учебы, оставили для «приготовления к профессорскому званию» при Петербургском университете. С этого времени начинаются годы упорного труда по сдаче магистерских экзаменов и написанию диссертационного исследования. Влияние Г.В. Форстена определило тему исследований: Балтийский вопрос, то есть военный и экономический режим функционирования Балтийского моря в системе международных

отношений XVIIIв. Для сбора материалов по диссертации Полиевктов неоднократно посещал зарубежные архивы Швеции, Германии, Италии. Неудивительно, что такое количество документов требовало огромных трудовых и временных затрат. В письмах А.Е. Преснякова можно найти следующую запись: «Полиевктов тоже усердно занимается и тонет в количестве нового, никем еще не исследованного материала»[5]. В итоге работа затянулась на более чем десятилетие.

В 1907 г. Полиевктов публикует монографию «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721-1725)». В предисловии он писал: «Настоящее исследование не претендует на какую-либо особую новизну сообщаемого им фактического материала или на значительность своих выводов. Автор исследования ставил себе более скромную цель – сгруппировать некоторые данные из истории внешней политики России в последние годы Петровского царствования»[6]. Безусловно, историк слишком скромно обозначил свою роль в решении указанной проблемы, поскольку им был введен огромный новый фактический материал из архивохранилищ разных стран. Но в то же время в этой фразе прослеживается подход, во многом характерный для петербургской школы. Московский историк Милюков замечал по этому поводу: «Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок»[7].

В осмыслении внешней политики последних дней царствования Петра Первого Полиевктов исходил из утвердившегося на тот момент в исторической науке положения, что петровские реформы от хаоса первых лет преобразований на последнем этапе приобрели осмысленный и последовательный характер «планомерной дипломатической борьбы, бывшей прямым логическим продолжением только что закончившейся вооруженной борьбы за Балтийское побережье». Таким образом, Балтийский вопрос был вписан в систему интересов молодой Российской империи, став неотъемлемой частью ее внешней политики. Главной целью петровской дипломатии было создание наиболее благоприятного режима на Балтике для российских военных и торговых судов. Подводя итоги, Полиевктов сделал вывод, что, несмотря на все старания петровских дипломатов, «те задачи, которые ставила себе за это время русская политика на Балтийском море, в конечном результате остались неразрешенными и после смерти Петра в значительной степени были преданы забвению и, во всяком случае, отодвинуты далеко на задний план»[8]. В этом выводе нашло отражение понимание тогдашней отечественной историографией всего развития послепетровской России, как отката от петровских идеалов и заветов.

Исследование было новаторским в тематическом смысле для современной ему исторической науки. Предыдущие историки ограничивались анализом международных отношений до заключения Ништадтского мира[9], в то время как Полиевктов значительно расширил хронологические и проблемные рамки. Много лет спустя русско-американский историк Г.В. Вернадский охарактеризовал монографию Полиевктова как «труд первостепенного значения для внешнеполитической истории России первой четверти XVIII столетия»[10]. Таким он остается и до сих пор.

После публикации и успешной защиты его в качестве магистерской диссертации, Полиевктов получает степень магистра русской истории, и занимает должность доцента Петербургского университета. Параллельно с преподаванием в университете историк получил должность профессора Петербургских высших женских курсов. Окончание магистерской диссертации поставило исследователя перед проблемой поиска новых направлений научной деятельности. В процессе работы над проблемой Балтийского вопроса он собрал большой материал о торговой политике в постпетровское время. Именно эта тема была им выбрана для докторской

диссертации[11]. К сожалению, социально-политические катаклизмы не позволили реализовать задуманный труд.

Признанием со стороны коллег-историков значения трудов Полиевктова для исторического знания стало его избрание в члены московского Общества истории и древностей российских в 1912 г.[12] Это можно расценивать как то, что ученого рассматривали в качестве представителя «клуба» самых авторитетных историков-профессионалов.

Кроме творческих и педагогических успехов в жизни историка в 1911 г. произошло и другое важное событие – женитьба на Русудане Николаевне Николадзе, дочери известного грузинского общественного деятеля Н.Я. Николадзе. Именно Русудана связала Полиевктова с грузинской культурой и общественной жизнью, ставшими неотъемлемой частью его жизни, а тесть подтолкнул к изучению истории русско-грузинских отношений. Н.Я. Николадзе предпринял попытку найти и опубликовать неизвестные документы русской дипломатической истории, касающиеся Грузии. Будучи непрофессиональным историком, он обратился за помощью к зятю, который специально для него провел изыскания в Петербургском государственном архиве Министерства иностранных дел. Поиски увенчались успехом, Полиевктов открыл значительный комплекс ранее неизвестных документов. Тогда в сферу его интересов вошла тема восточной политики России: «...восточная политика России и англо-русские отношения...для меня формулируется все отчетливее и отчетливее...Русско-грузинские отношения, конечно, должны будут занять в этих исследованиях самое видное место»[13].

Последней крупной работой историка в дореволюционное время стала монография, посвященная царствованию Николая I. Сначала она была опубликована в виде обширной энциклопедической статьи в «Русском биографическом словаре», а затем, доработанная, вышла отдельным изданием уже в 1918 г. Книга о Николае I стала одним из первых монографических научно-исторических исследований по этой теме. Ранее наиболее полное описание данного времени можно было найти только в книгах Н.К. Шильдера[14], в курсе лекций по истории XIX века А.А. Корнилова[15] и в коллективной монографии «Эпоха Николая I»[16]. Полиевктов рассматривал правление Николая I как этап развития абсолютной монархии в России. С его точки зрения, «с середины XVII в. московское государство начинает приближаться к тому типу абсолютной монархии, который сложился к тому времени и на Западе»[17]. Окончательное завершение этого процесса, по мнению автора, происходит как раз в царствование Николая I. Признавая за абсолютной монархией важное историческое значение, историк рассматривал николаевское царствование с одной стороны, как окончательное оформление этого вида правления, а с другой – как крах идей абсолютизма. Эпоху правления Николая, Полиевктов, видимо, вслед за Корниловым, делит на три периода: до польского восстания, до европейских революций 1848 г. и последний этап – вплоть до смерти императора. Таким образом, в основе периодизации лежат внешнеполитические события, с учетом их влияния на внутреннее развитие России. Проанализировав механизм функционирования государственного аппарата в николаевскую эпоху, Полиевктов более отчетливо, чем его предшественники пришел к выводу, что «управление приобрело личный характер»[18], что не отвечало тем вызовам времени, которые встали перед Российской империей. Данное наблюдение прочно вошло в арсенал современной исторической науки[19].

Отдельные главы книги отведены для анализа социально-экономического развития России во второй четверти XIX в., эволюции общественной жизни, внешней политике. Многие данные в научный оборот вводились ученым впервые. Подводя итоги анализа режима Николая I, Полиевктов делал вывод, во многом характерный для либерально настроенной русской профессуры начала XX в., о том, что «не крах николаевской системы – крах всего русского

политического уклада раскрывался перед глазами, крах, непредотвратимый никакими ни репрессивными или паллиативными мерами»[20].

В монографии прослеживается и обращение ученого к истории Грузии, темы ставшей впоследствии для него главной. Так, анализируя политику царизма в Закавказье, он утверждал, что «задачи государственной власти понимались, главным образом, в смысле насаждения на этой окраине общеимперского бюрократического строя»[21].

Книга о Николае Ипрочно вошла в отечественную историографию, став на долгое время одним из немногих исследований проблемы, построенном на комплексном анализе всех сторон жизни Российской империи в эпоху правления «жандарма Европы».

Февральскую революцию Полиевктов встретил сдержано. Еще больше опасений у него вызвала Октябрьская революция, которую он расценил как переворот: «Мы здесь все живем изо дня в день, и хотя переворот непосредственно никого и не коснулся, но результаты чувствуются. Все как-то замерло, и просвета пока не видать»[22]. Тем не менее, через некоторое время он начинает приспосабливаться к сложившимся обстоятельствам. В своем дневнике Ю.В. Готье писал: «Несколько раз пришлось видеться с петербургскими историками Пресняковым и Полиевктовым. Раньше это не осознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспосабливаются к Р.С.Ф.С.Р. и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы – трудно это сразу объяснить: не то наследие питерской бюрократии, не то налет эсеровщины, уживающийся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы»[23]. Категорический противник большевиков, Готье считал, что стремление петербургских историков сотрудничать с новыми властями есть проявление их менталитета, сформированного близостью научного сообщества в Петербурге к власти вообще. Известная доля истины в этом замечании есть, но надо сказать, что главная причина сотрудничества лежала не в этом. По большому счету, сотрудничество с новыми властями было необходимостью и имело важное культурно-научное значение. После революционных потрясений 1917 г., перед исторической наукой в России встала проблема спасения архивных богатств, которые в эти смутные времена могли просто погибнуть, а это возможно было только при взаимодействии с новой властью.

Полиевктов был одним из наиболее активных участников архивного движения. Он проводил инспекции архивохранилищ в Петрограде и Москве и вел переговоры с хранителями фондов. На петроградских архивных курсах им были почитаны циклы лекций «Ведомство иностранных дел в России в XVIII веке и его делопроизводство» и «Архивное дело в Германии и Австрии»[24]. Таким образом, его вклад в спасение архивных богатств был весьма значителен.

Несмотря на активную научно-организационную работу в Петрограде, Полиевктов в 1920 г. перебирается в Грузию, в Тифлис. Причиной этому стала всё большая бытовая неустроенность в северной столице и неустойчивое положение «старой интеллигенции». По воспоминаниям ученика Полиевктова, Н.С. Штакельберга, его переезд напоминал скорее бегство, когда он кружными путями через Киев добрался до Тифлиса[25]. С этого времени заканчивается петербургский период его жизни и начинается тифлисский.

При переезде, конечно же, помогли родственные связи жены. В Тифлисе историк получил работу в Тифлисском университете, при этом не потеряв связи с петербургскими и московскими коллегами. В письме С.Б. Веселовскому Полиевктов писал: «Здесь историк-грузиноведа встретили меня с распростертыми объятиями»[26]. Значительный интерес вызвала тематика

исследовательской работы ученого – история русско-грузинских отношений. Как писал историк в одном из писем: «Здесь ее [тему – В.Т.] приняли с большим интересом»[27]. До Полиевктова проблема истории русско-грузинских взаимоотношений поднималась в документальных публикациях С.А. Белокурова, А. Цагарели и М. Броссе. Но в них рассматривались только древнейшие периоды, в то время как Полиевктот сосредоточился на истории XVI-XVIIвв., когда отношения перешли на новый качественный уровень. Выбор темы оказался весьма удачен. В условиях того беспокойного времени это была одна из немногих возможностей ведения научной работы: «Помимо того, что в современных условиях и вообще особенно приходится ценить, когда удастся выполнить хоть какую-нибудь научную работу, я особенно буду рад, если мой скромный труд действительно окажется небесполезным для грузинской исторической науки и я смогу тем самым хоть немного отблагодарить за тот прием, какой я неизменно встречал в течение 5 лет со стороны грузинского общества и, в частности, университета»[28]. Его тесть, Н.Я. Пайчидзе, видел в этой теме большую социально-политическую важность. В своем письме к историку он писал: «Я очень рад, что ты берешься за пересмотр и новое издание материалов для истории сношений России с Кавказом...Это предметы, требующие наибольшей популяризации, потому что из правильного изучения вековечности и естественности этих сношений может, наконец, выработаться правильность взаимных отношений»[29].

В дальнейшем в работах Полиевктова тема русско-грузинских отношений получила многоаспектную окраску: он рассматривал и вопросы внешней политики, и вопросы экономического сотрудничества, и культурные связи народов. Не остались вне поля зрения исследователя и проблемы научных взаимодействий[30]. Влившись в грузинскую профессионально-историческую среду, Полиевктот принимал активное участие в работе «Грузинского общества истории и этнографии» и «Грузинского географического общества».

Несмотря на хороший прием, жизнь историка в Тифлисе была полна трудностей. В 1924 г. закрыли Факультет общественных наук местного Политехнического техникума, где работал Полиевктот. Это существенно подорвало его финансовое благосостояние: «Мои академические дела (не считая работы) обстоят посредственно. За закрытием ФОНа в здешнем Политехникуме у меня остался только университет, что за всеми вычетами дает около 70 рублей. Кое-как на это можно было бы перебиться...Но еще долги, и потому приходится изворачиваться»[31]. Для подработки историк устроился в государственный архив Грузии, где проработал с 1924 по 1934 гг. Тема материальной нужды еще неоднократно всплывет в письмах ученого.

Тем не менее, материальные трудности не помешали закончить документальную публикацию, посвященную московским посольствам в Грузию в середине XVIIв.[32]. Для создания полной картины русско-грузинских отношений данного периода историк провел многочисленные архивные изыскания. Им впервые были введены в научный оборот архивные материалы Посольского приказа. Новые документы позволили полнее и по-новому взглянуть на проблему.

Систематические дипломатические связи между раздробленной Грузией и недавно объединенным Московским царством историк относил к концу XVIв. В указанное время грузинские земли встали перед угрозой захвата либо со стороны Османской империи, либо Иранского царства. Инициатива сближения с Россией исходила от кахетинского правителя Теймураза I. Но русско-грузинские отношения возникли не на пустом месте. По наблюдению автора: «Русская ориентация...не была чем-то новым: она имела за собою уже более чем столетнюю традицию»[33]. Со стороны России интерес к грузинским делам возник после того, как колонизационные и завоевательные процессы привели русское население к середине XVIв. на Северный Кавказ, сделав тем самым кавказский регион сферой интересов московского государства. С этого времени «кавказский вопрос начинает

оригинально входить в систему внешней политики Москвы»[34]. Но наметившееся сближение было прервано Смутным временем. Тем не менее, с восстановлением государственного порядка в Московском царстве, возвращается и интерес Москвы к кавказским территориям в целом и грузинским в частности. Более того, по мнению Полиевктова, «сам кавказский вопрос...получает более широкую и углубленную постановку»[35]. По наблюдению историка, в XVIIв. в русско-грузинских взаимоотношениях преобладает политическая подоплека, но уже в это время московское правительство начинало понимать насколько большое значение может играть Кавказ в международной торговле. Подводя итоги, автор отмечает, что надежды кахетинских властей на помощь Москвы «далеко не оправдались», что привело к дальнейшему охлаждению в отношениях. Но именно в это время был заложен фундамент для дальнейших связей.

Следующей работой, посвященной грузинской истории, стала популярная брошюра об истории Тифлиса, написанная в соавторстве с местным историком, Г. Натадзе[36]. В книге впервые были опубликованы все известные на тот момент описания Тифлиса в древности и новое время. Работа носила краеведческий характер, тем самым вписываясь в широкое общесоюзное краеведческое движение, столь характерное для 20-х гг. Понимание авторами краеведческого исследования было на высочайшем для того времени научном уровне. Так, Г. Натадзе во вводной статье к книге писал: «Историческая исследовательская работа в цепи краеведческих работ, долженствующих в конечном итоге объединиться в одно стройное целое, в одну стройную концепцию, является одним звеном. Таким звеном в вопросе о Тифлисе должна явиться и наша работа»[37]. Осмысление конкретно-краеведческого исследования как части общеисторической проблематики, безусловно, позволяла отойти от узкого, фактографического подхода. Очевидно, что с этими идеями был солидарен и Полиевктов. В своей части введения он указывал: «Прошлое Тифлиса представляет большой и местно-краеведческий и общеисторический интерес»[38].

В данной работе Тифлис рассматривается как важный торговый пункт, имеющий определяющее геополитическое значение в регионе. Полиевктов более отчетливо, нежели ранее, отмечает, что именно торговое значение Грузии стало причиной повышенного интереса к ней со стороны России. Следуя популярной (и тогда официально признанной) теории М.Н. Покровского о том, что в XV-XVIвв. Россия встала на путь капиталистического развития, Полиевктов соотносил активизацию внешней политики Московского царства именно с нуждами торгового капитала. Несмотря на использование идей Покровского, ученый не опустился до упрощенных трактовок русско-грузинских отношений. Так, присоединение Грузии к Российской империи ученый рассматривал не только в негативных тонах, как проявление колониальных устремлений, но и отмечал значительные положительные последствия этого события. По его мнению, «через Россию Грузия снова более глубоко втягивается в общеевропейский торгооборот и воспринимает новые общественные и культурные формы»[39].

Планомерная работа над научно-историческими изысканиями историка была прервана «эхом "Академического дела"». В 1929-30 гг. прошли аресты в Москве и Ленинграде по делу «Союза борьбы за освобождение русского народа», который, якобы, возглавлял академик С.Ф. Платонов[40]. Среди арестованных было немало друзей и знакомых Полиевктова. Сам он, благодаря своей «удаленности» от основного места событий, не был арестован. Но насколько его положение было шатким, свидетельствует то, что в программной (можно даже сказать «погромной») брошюре Г. Зайделя и М. Цвибака, призванной идеологически обосновать гонения в исторической науке, Полиевктов был назван среди ближайших сотрудников Платонова. Авторы утверждали, что «несколько академических имен, прошедших через школу Платонова (Рождественский, Любомиров, Чернов, Романов, Садиков, Полиевктов, Васенко и др.)...представляли собой определенное, организованное единство»[41].

Несмотря на то, что Полиевктов не был арестован, «Академическое дело» наложила заметный отпечаток и на его научное творчество. Особенно показательным в этом смысле является небольшая монография, освещающая русские экономические и политические разведки в грузинских землях[42]. Работа была посвящена рассмотрению основных тенденций и направлений изучения московскими путешественниками-разведчиками Кавказа, в ходе которого Грузия занимала центральное место: «Сношения с Грузией занимают очень видное место в общем цикле кавказских отношений Московского государства и постоянно переплетались с его отношениями с другими областями и странами Кавказа, а потому и разведочная работа Москвы на Кавказе обрисовывается по “грузинским делам” наиболее полно и отчетливо»[43]. В этой работе историк активно использовал риторику, свойственную работам школы Покровского. Так, интерес Московского государства к Кавказу он более жестко, чем раньше связал с деятельностью «торгового капитала», ключевой категории в исторической концепции М.Н. Покровского. «Феодальное государство в условиях развивающегося денежного хозяйства и торгового капитала, в поисках колониальных рынков и в связанных с этими поисками устремлениях к освоению новых отдаленных территорий или к непосредственному расширению своих границ, никогда не идет вслепую. Москва, феодальное государство, в котором к XVв. развивается уже денежное хозяйство и начинает зарождаться торговый капитал, в этом отношении не представляет какого-либо исключения»[44]. Очевидно, что вкрапление широко распространенных концепционных идей современной ему советской исторической науки, свидетельствует о стремлении автора вписаться в общий поток. Также очевидно, что это было вызвано атмосферой неопределенности и страха, царившей в среде «историков старой школы» после «Академического дела».

Несмотря на определенные уступки конъюнктуре, работа историка была написана на высоком научном уровне. В ней впервые анализировались взаимоотношения России и Грузии с точки зрения тех первых впечатлений, которые приносились разведывательными посольствами.

Интерес к Кавказу со стороны России автор снова связывал с завершением колониционных и завоевательных процессов Поволжья. Более того, в руках Москвы оказывается весь волжский путь, традиционно используемый для торговли с восточными странами. В этой связи Кавказ приобретает особое значение как стратегическое военно-торговое продолжение этого пути. В ходе анализа международной политической и экономической обстановки Полиевктов пришел к новаторскому выводу: «В московской внешней политике завязываются теперь два вопроса – балтийский и черноморско-кавказский (иначе – восточный), надолго определившие с этого времени почти все содержание этой политики»[45]. Концепция двух направлений внешней политики России теперь имеет общепризнанный статус в отечественной научно-исторической и ученой литературе[46].

Важным дополнением к анализу экономических и политических разведок стал вывод о том, что они имели кроме важного утилитарного значения и научную значимость. Тем самым именно разведки стали основой, первым этапом формирования русского кавказоведения[47].

Подводя итоги изучения проблемы, Полиевктов писал: «Уже в XVIIв. Московское государство и московский торговый капитал тщательно готовили свое политическое и экономическое наступление на Кавказ, глубоко прощупывая все открывающиеся здесь и возможности, и трудности»[48].

Значительным вкладом в кавказоведение стал справочник «Европейские путешественники XIII-XVIII веков на Кавказе». В книге были собраны библиографические статьи, посвященные всем

на тот момент известным путешественникам, посетившим кавказские страны в средние века и новое время. В предисловии Полиевктов отмечал: «Надо учитывать еще и то, что всякое путешествие в чужие страны и сообщения о таком путешествии почти всегда, прямо или косвенно, есть определенный социально-политический заказ»[49]. Признавая это, автор-составитель рассматривал путешествия как составную часть политико-экономической экспансии великих держав на Кавказ. Активизацию внимания европейских государств к кавказскому региону историк связывал с развитием торговли в Европе начиная с XIII в. «Дальнейшее накопление в Европе торгового капитала приводит к тому, что XIV и XV вв. европейская торговля принимает гораздо более широкий размах и устремляется на поиски далеких заморских рынков»[50]. Значительный интерес вызывал прикаспийский рынок шелка.

Особое внимание кавказские страны привлекли к себе в XVIII-XIX вв., когда кавказская проблема тесно увязывалась с вопросом о будущем международном статусом Османской империи и Персии. Наиболее агрессивную позицию заняла Российская империя. По мнению исследователя, завоевание Закавказья рассматривалось русским царизмом как плацдарм для дальнейшего завоевания азиатских провинций Турции и Персии[51].

В указанных концепциях чувствуется определенное влияние установок советской историографии, выражающихся в выпячивании агрессивных устремлений Российской империи и ретушировании корыстной политики других европейских держав. Тем не менее, в общем и целом, нарисованная картина представляется адекватной историческим реалиям. Важное концептуальное значение имеет мысль Полиевктова о Кавказе как «некотором культурно-историческом целом»[52]. Данный подход позволяет выделить Кавказ как особую культурно-историческую область, тем самым, признав специфику ее исторического развития. Стоит также отметить, что данная книга до сих пор является единственным справочником, наиболее полно освещающим затронутую тему.

Заметным событием в советской исторической науке стала документальная публикация Полиевктова по русско-грузинским взаимоотношениям XVII в[53]. В ней впервые были обнародованы архивные документы Посольского приказа. Несмотря на высококачественную археографическую подготовку издания, в этой работе в концептуальном смысле также прослеживается следование официально принятым идеологическим установкам. Так, российскую политику в Грузии историк расценивает как «колониальную»[54]. Безусловно, ученый и раньше не испытывал иллюзий по поводу деятельности России в кавказском регионе, но данная трактовка представляется сильно упрощенной, не в пример его предыдущим исследованиям. В предисловии к изданию автор утверждал: «...не зная почти трехсотлетней истории грузино-русских взаимоотношений, предшествовавших захвату русским царизмом Грузии, мы рискуем не понять многого и в истории колониальной политики русской империи в XIX–XX вв., не только в Грузии, но, пожалуй, и на всем Кавказе»[55]. Кроме того, заостряются выводы, сделанные исследователем в предыдущих работах. Например, сближение с Кахетией рассматривается как «экспансия», которая, впрочем, потерпела крах[56]. Вся московская политика, по мнению автора, нацеленная на вытеснение Турции и сохранение мира с Персией, оказалась неудачной. Тем не менее, именно в это время был заложен фундамент дальнейшему проникновению России на Кавказ. Причем, кавказская политика стала «подготовкой к тому общему, определенно выраженному наступлению, какое с начала XVIII в. Российская империя поведет на Балтийское море»[57]. Кавказ рассматривался историком как черноморский выход России на европейские рынки сбыта.

Последней работой ученого стала брошюра «Новые данные о московских художниках XVI-XVII вв. в Грузии». Автор связал деятельность московских художников в Грузии не только с чисто культурными задачами, но и с политикой Московского царства: «Посылки мастеров церковного

дела входила...в общую программу политики Москвы в Грузии...эти мастера не только экспортировались сюда из Москвы как рабочая сила, но и сами делали здесь иногда – конечно, на ролях мелких сошек, - московскую политику»[58].

Полиевктов умер 21 декабря 1942 г., оставив значительное научно-литературное наследие. Исследования, посвященные русско-грузинским отношениям, составили золотой фонд, как русской, так и грузинской исторической науки. Во многом в его работах впервые ставились те вопросы, которые определили развитие кавказоведения и грузиноведения на ближайшее время. Безусловно, многие проблемы трактовались в угоду требованиям времени, но научная ценность проведенных им исследований несомненна. Работы историка отличались фактографичностью и осторожностью выводов. С одной стороны, здесь проявился научный этос, свойственный петербургским исследователям, а с другой – надо помнить, что многие вопросы Полиевктовым затрагивались впервые, а это требовало тщательного предварительного анализа именно фактической стороны.

Биография историка является редким случаем адаптации ученого в другой научно-культурной среде. Ученый осознавал свое уникальное положение члена неофициальных сообществ как российских, так и грузинских ученых. В письме к С.Б. Веселовскому он иронично писал: «Не считайте меня изменником русской исторической науки. Я был и остаюсь русским, но...ведь русская историческая наука богата и без меня. Да и помимо того мой труд...в общем комплексе проблем русской исторической науки, конечно, по своей теме, должен занять более скромное место, чем здесь»[59]. Осознание себя частью двух историографических традиций, их конвергенции в своем творчестве, позволило ученому более объективно подойти к решению исторических проблем. Его трактовка русско-грузинских взаимоотношений отличается большей взвешенностью и сдержанностью оценок. Это становится особенно очевидным на фоне официальных бесконфликтных концепций советского времени[60] и чересчур эмоциональных заявлений современных известных радикально настроенных грузинских историков[61]. Изучение жизни и деятельности Полиевктова становится особенно актуальным сейчас, в период небывалого охлаждения отношений между Россией и Грузией, когда история взаимоотношения двух стран превратилась в один из инструментов политической борьбы. Его жизнь и наследие показывает, насколько глубоки культурно-исторические связи двух народов, и это предопределяет конструктивный научно-культурный диалог в будущем.

[1] Цит. по: Чиковани Н. Вклад русских ученых. О публикациях источников по истории русско-грузинских отношений XVI-XVII веков // Литературная Грузия. 1986. № 12. С. 184.

[2] Пайчидзе Г.Г. К столетию со дня рождения М.А. Полиевктова // Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств. Вып. 2. Тбилиси, 1973. С. 216-228.

[3] Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 81-89.

[4] Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 109.

[5] Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 326.

- [6] Полиевктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадского мира (1721-1725). СПб., 1907. С. VII.
- [7] Милуков П.Н. Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51. С. 314.
- [8] Полиевктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике...С. 299.
- [9] Багер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 147, 155.
- [10] Вернадский Г.В. Русская историография. М., 2003. С. 283.
- [11] Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 680.
- [12] Письма М.А. Полиевктова С.Б. Веселовскому // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 229.
- [13] Цит. по: Пайчидзе Г.Г. К столетию со дня рождения М.А. Полиевктова...С. 222.
- [14] Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903.
- [15] Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. Ч. 1-3. М., 1912-1914.
- [16] Эпоха Николая I / под ред. М. Гершензона. М., 1911.
- [17] Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. VII.
- [18] Там же. С. XI.
- [19] Например: Багдасарян В.Э. Николаевская управленческая модель: между авторитаризмом и рациональной бюрократией // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 139-176.
- [20] Полиевктов М.А. Николай I...С. 378.
- [21] Там же. С. IX.
- [22] Письма М.А. Полиевктова С.Б. Веселовскому // Переписка С.Б. Веселовского...С. 238.
- [23] Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991 № 8-9. С. 156.
- [24] Хорхордина Т.А. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003. С. 364-365; Она же. Архивы в «Зазеркалье»: архивная культура тоталитарных режимов // Советская историография. М., 1996. С. 56.
- [25] Штакельберг Н.Л. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. СПб., 1995. С. 35.
- [26] Письма М.А. Полиевктова С.Б. Веселовскому // Переписка С.Б. Веселовского...С. 239.

- [27] Архив Российской Академии Наук (Далее – АРАН) Ф. 665. Оп.1. Ед.хр. 443. Л. 1 об.
- [28] Письма М.А. Полиевктова С.Б. Веселовскому...С. 239.
- [29] Цит. по: Пайчидзе Г.Г. К столетию со дня рождения М.А. Полиевктова...С. 223.
- [30] Например: Полиевктов М.А. Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина (младшего) // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. III. Тифлис, 1925.
- [31] АРАН Ф. 665. Оп. 1. Ед.хр. 443. Л. 4 об.
- [32] Полиевктов М.А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640-1643. Тифлис, 1928.
- [33] Там же. С. 14.
- [34] Там же. С. 15.
- [35] Там же. С. 16.
- [36] Полиевктов М., Натадзе Г. Старый Тифлис в известиях современников. Тифлис, 1929.
- [37] Там же. С. IV.
- [38] Там же. С. V.
- [39] Там же. С. XIV.
- [40] Подробнее см: Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению Е.В. Тарле. СПб., 1999 и другие публикации и исследования.
- [41] Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.-Л., 1931. С. 6.
- [42] Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.
- [43] Там же. С. 5.
- [44] Там же. С. 3.
- [45] Там же. С. 7.
- [46] Например: История России XIX-начала XX в. Учебник / под ред. В.А. Федорова. 3-е изд. М., 2002. С. 134-135.

- [47] Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе... С. 53-54.
- [48] Там же. С. 52.
- [49] Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу / сост. М.А. Полиевктов. Тифлис, 1935. С. 2-3.
- [50] Там же. С. 8.
- [51] Там же. С. 12.
- [52] Там же. С. 4.
- [53] Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615-1640 / сост. М.А. Полиевктов. Тбилиси, 1937.
- [54] Там же. С. I.
- [55] Там же. С. IV.
- [56] Там же. С. XVIII.
- [57] Там же. С. XXII.
- [58] Полиевктов М.А. Новые данные о московских художниках XVI-XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941. С. 21.
- [59] Письма М.А. Полиевктова С.Б. Веселовскому... С. 239.
- [60] Например: Бурдзенишвили И.А., Дондуа В.Д., Меликишвили Г.А., Иесхиа М.А. История Грузии с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Тбилиси, 1962.
- [61] Например: Гурули В. В ожидании базара лжи // <http://www.svobodnaya-gruzia.com/miscell/>; Цихистави Н. Россия в грузинских учебниках истории // <http://www.historia.ru/2004/01/tsihistavi.htm>. Подробнее о трактовке некоторыми грузинскими историками истории русско-грузинских отношений: Константинов С., Ушаков А. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М., 2001. С. 26, 66.
- Опубликовано: «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М.А. Полиевктов — историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия — Грузия: альтернатива конфронтации — созидание... (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX–XXI вв.) / Коллектив авторов. Сост. и рук. коллектива д.и.н., профессор Бугай Н.Ф., М.: Институт российской истории РАН, 2011. С. 419- 435.*